

УДК 070 + 161.11

ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Е. А. Кожемякин

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kozhenyakin@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается специфика использования философской категории объективности в теории и практике журналистики. Философские традиции интерпретации этой категории – фактуализм и теоретизм – унаследованы журналистским дискурсом и приводят к понятийной полифонии в журналистике, следствием чего являются методологические и этические проблемы журналистики, а также отсутствие единых стандартов оценки журналистского текста. Автор указывает на основные способы решения этих проблем.

Ключевые слова: объективность, философские основания журналистики, журналистское знание, журналистский дискурс.

Объективность традиционно понимается как один из ключевых принципов журналистской деятельности, как её специфицирующая черта, исходный постулат, не требующий дополнительного обоснования. «Журналист должен быть объективен в отражении социальной действительности», «объективность – главное требование к журналистскому материалу», «журналист призван работать с объективными фактами», «объективность и честность – главные принципы журналистского творчества» – эти и аналогичные им типичные суждения представлены в нормообразующих текстах (этические кодексы, учебники журналистики, уставы редакций и т. п.), а значит, определяют основной нормативный модус журналистской практики. В то же время использование в журналистике собственно категории объективности часто основано, скорее, на здравом смысле, а не на терминологической точности. Она, как ни странно, достаточно редко становится предметом научной рефлексии в журналистской теории. Повсеместно – и в теоретическом, и в практическом дискурсе журналистики – возникает ситуация, в которой категория объективности не обсуждается, так как предполагается, что «все понимают, что под ней имеется в виду».

Вместе с тем, использование этой категории в качестве центральной, «естественной», смыслообразующей в теории и практике журналистики делает её значимым предметом эпистемологического исследования. Тот факт, что в основе системы рационального, теоретически обоснованного знания, каковой является теория и практика журналистики, лежит недостаточно рационализированная и не в полной мере терминологически уточненная категория, действительно вызывает большой исследовательский интерес у эпистемологов. Этот интерес объясняется тем, что базисные структуры определенной системы знания (в частности, журналистской) обычно выражаются высказываниями типа «и так понятно, что...» или «что такое N – знает каждый», а целью эпистемологии является как раз обнаружение и «вскрытие» базисных структур знания и условий познания. По словам Ричарда Рорти, «эпистемология (занимается) поиском неизменных структур, внутри которых могут содержаться познание, жизнь и культура – структур, установленных привилегированными репрезентациями» [1, с. 120]. Объективность и является в данном случае такой структурообразующей категорией в журналистике. Остается открытым вопрос о «привилегированных репрезентациях», о тех признанных и принятых в журналистском сообществе ученых и практиков представлениях о содержании этой категории.

Объективность и ряд других ключевых для журналистики категорий («факт», «информация», «знание» и др.) «импортированы» в журналистику из философии. Собственно, наше замечание о недостаточной научной рационализации категории

объективности в определенном смысле неточно, поскольку в философии, в отличие от теории журналистики, эта категория традиционно является предметом активных дискуссий. Соответственно, «привилегированные репрезентации» этой категории (допустимые, распространенные и принятые представления об объективности) наследуются журналистикой из философских парадигм, из инициированных философскими работами «интеллектуальных традиций» понимания того, что такое объективность и в какой степени она постижима.

В этой работе мы проследим основные линии такого «наследования», то есть выявим различные, детерминированные философией трактовки категории объективности в журналистике. Представляется, что это позволит не просто в очередной раз обнаружить «философские корни» журналистики, но именно рационализировать базовые установки журналистики как способа познания, подвергнуть критическому осмыслению те фундаментальные элементы журналистского знания, которые редко подвергаются критике или сомнению самими субъектами этого знания. Такая эпистемологическая постановка задачи означает, что нас будут интересовать не столько особенности «гносеологического субъекта», то есть журналиста (или теоретика журналистики) как познающего индивида, сколько структуры самого журналистского знания. Иными словами, проблему мы видим не столько в том, чтобы определить идеальные условия, в которых журналист будет создавать объективные материалы, сколько в том, чтобы уточнить природу представлений об объективности в журналистском дискурсе.

В пользу тезиса о философском происхождении категории объективности в журналистике свидетельствует помимо прочего то обстоятельство, что в журналистике она ассоциируется с категорией *факта*. Объективно все то, что фактуально; «объективно существует» – значит, «представлено как факт». Объективность понимается и в журналистике, и в философии как атрибут факта, его качество («объективный факт»), и может быть выражена только через него. Можно сказать, что журналисты, с точки зрения них самих, «работают» не с объективностью как таковой, а с фактами, обладающими свойством объективности.

Такое представление об этой категории самым тесным образом связано с прочными философскими идеями об интенциональности познания, означающим, что наше сознание всегда обращено на конкретные фрагменты действительности, но не на действительность целиком. Соответственно, объективность – это то свойство, которое проявляет факт как фрагмент реальности в ходе нашего познания его, а «удостовериться в объективности» означает, в первую очередь, «установить факт» в соответствии с *определенными правилами познания*. В этом смысле устойчивое журналистское представление, что «объективный материал» – это тот, который *основан на фактах*, а не на домыслах, вымыслах или фантазиях, основано на философско-методологических принципах познания: эмпирическом свидетельстве, логическом обосновании и независимости суждений.

Мы привели выше достаточно известные и банальные положения, но здесь возникает крайне важный вопрос о критериях факта и о его идентификации, то есть о том, как мы «узнаем» факт. Ведь если взглянуть на сводку новостей за один и тот же промежуток времени в разных СМИ, мы без труда обнаружим различия как в самой подборке освещаемых событий (факты, привлечшие внимание одного СМИ, будут отличаться от фактов, изложенных в выпуске новостей другого СМИ), так и в репрезентации одних и тех же фактов (один и тот же факт будет по-разному выражен в разных СМИ). Безусловно, эти различия в отборе и репрезентации журналистами фактов можно объяснить исключительно специализацией (форматом) СМИ, «политикой редакции» или профессионализмом журналистов. Например, «качественные» аналитические издания используют иные информационные источники для установления фактов, нежели «желтые газеты»; образность представления факта на телевидении будет отличаться от образности, которую можно увидеть в глянцево-журналах; опытный журналист в отличие от начинающего стремится избегать клишированных форм пре-

зентации факта. Именно такая стратегия объяснения фактографических различий доминирует в журналистской практике: подборка и репрезентация фактов зависит либо от «воли» редакции, либо от профессионализма журналистов. Соответственно, более объективными будут те материалы, которые в меньшей степени продиктованы политической или идеологической позицией редакции, или которые в большей степени предопределены опытом (т. е. навыками следования правилам профессионального познания) самого журналиста.

Однако, на наш взгляд, это объяснение вряд ли дает исчерпывающий ответ на вопрос о критериях факта для журналистов. В конечном счете, и формат СМИ, и его концепция, и мастерство журналиста свидетельствуют об *уже сложившемся* в журналистском дискурсе специфичном представлении о факте и репрезентируемой им действительности, что в итоге выражается в различных представлениях об объективности. Проблема идентификации фактов крайне редко формулируется в теории журналистики, но в то же время уже давно обсуждается в философии. И обзор основных подходов к пониманию природы факта и объективности поможет, на наш взгляд, понять суть фактографических различий в журналистике, а также различий в представлении журналистов об объективности.

В эпистемологии известны две ключевые традиции трактовки объективного факта и объективности: *фактуализм* и *теоретизм*.

Фактуалисты (К. Поппер, Б. Рассел и др.) полагают, что факт лежит вне теории, не зависит от нее, и это обстоятельство «делает» его объективным. Мы наблюдаем то, что существует реально, а не то, что знаем или понимаем. Факт выражает чувственные данные, результаты наблюдения или верификации гипотез (подтверждения и обоснования наших предположений о действительности). С точки зрения фактуалистов, факт инвариантен, неизменен, универсален, одинаков для всех; он существует «поверх» субъективных или культурных границ. При условии наличия этих признаков мы можем утверждать о том, что нечто является фактом, соотносимым с объективной реальностью. В рамках фактуализма (представленного, например, радикальным позитивизмом) принято полагать, что истина – одна для всех, и она не зависит от человеческого сознания, культуры, идеологии или, скажем, формата СМИ. Чтобы получить истинное знание, мы должны или а) использовать правильные методы; или б) правильно организовывать опыт познания («искать там, где необходимо, и то, что необходимо»). Так, с этой точки зрения, из двух СМИ, по-разному определяющих одну ситуацию (репрезентирующих один и тот же факт), как минимум одно заблуждается или преднамеренно искажает факт. Например, грузинские события августа 2008-го года представлялись либо как факт российско-грузинской войны (западные СМИ), либо как факт операции по урегулированию вооруженного конфликта между Южной Осетией и Грузией (российские СМИ). С фактуалистской точки зрения объективным фактом может быть либо одно из этих двух определений действительных событий (или война, или миротворческая операция), либо третье, не представленное в СМИ определение (например, стихийный вооруженный конфликт), но никогда – каждое из двух противоречащих определений.

Теоретисты (Т. Кун, П. Фейерабенд, Р. Рорти, Л. Витгенштейн) полагают, что факт – это не фрагмент или элемент самой реальности, а ее *репрезентация* или *высказывание* о ней. Даже если и признать не зависящее от сознания людей существование реальных фактов, полагают теоретисты, наше восприятие их и наше знание о них опосредованы «системами кодификации», инструментами познания (например, системами образов или естественным языком). Так, если факт – это репрезентация фрагмента действительности, то наше знание о нем в значительной степени зависит от нашего мировоззрения или концепции реальности (культурных установок), в котором всегда действуют теоретические представления о «естественном» и «неестественном», «обычном» и «необычном», «возможном» и «невозможном». Если же факт трактуется как высказывание о действительности, то наше знание о нем будет зависеть глав-

ным образом от языка, с помощью которого организуется это высказывание, а значит детерминировано грамматическими, синтаксическими и прочими языковыми категориями (правилами организации высказывания). Чистые факты (объективность как таковая) не достижимы; точнее, в их существовании мы вряд ли можем усомниться, но мы не можем о них ничего узнать, не пользуясь особой «мировоззренческой оптикой» (культурными установками или идеологией) или языковыми средствами. Таким образом, любой объективный факт определяется теорией (картиной мира, мировоззрением, идеологией, культурой, «политикой редакции», форматом СМИ), его установление зависит от нее и не может существовать вне или до нее, а степень объективности факта определяется принципами познания, лежащими в основе этой теории.

Теоретическая парадигма неоднородна и включает в себя как минимум два подхода: *культурный релятивизм* и *прагматизм*.

Согласно первому подходу объективный факт выражает не абсолютную, а относительную истину: объективно все то, что соотносится с культурными ценностями, традициями или стандартами познания того, кто познаёт. Соответственно, то, что для одних является истинным знанием, для других будет казаться ложью. Так, российские журналисты не могли по определению описывать грузинские события августа 2008-го как «вероломное вторжение России в Грузию» (интерпретация НАТО), именно в силу особой культурной картины мира, в которой «моя страна» никогда не может быть определена как вероломный агрессор.

Второй – прагматистский – подход также строится на отрицании абсолютного характера истины, выражаемой объективными фактами. Факт как истинное знание с точки зрения прагматизма может быть установлен, но не в связи с реальностью, а в связи с интересубъективными соглашениями. Объективный факт – это результат договора, консенсуса. Иными словами, факт – это то, что решили считать фактом. Какой именно факт мы установим, зависит от теории (концепции, формата, политики, идеологии), которой мы руководствуемся. Согласно этой теории, инвариантных (неизменных) фактов быть не может, а разные теории не имеют общих фактов. «Теория НТВ», в соответствии с которой российское общество представляется криминализированным, опасным и насыщенным различного рода рисками, основано совсем на иных фактах, нежели «теория канала «Культура».

В целом, теоретизм выражает современное эпистемологическое понимание сущности социального познания («разделом» которого бесспорно является и журналистика): критерии истинности социального знания связаны не со свойствами предмета познания, не с особенностями познающего, а с социальными нормами и условиями познания. Иначе говоря, социальное знание интересубъективно, оно основано на «общественном договоре», а (относительной) истиной в журналистике как разновидности социального познания следует, скорее, считать то, что соответствует специфичным нормам восприятия действительности, принятым в определенном профессиональном сообществе (среди журналистов). Подчеркнем, что в этом состоит и основная идея теоретизма.

Именно с этими двумя философскими трактовками объективного факта – фактуализмом и теоретизмом – связаны различные представления об *объективности* в журналистике. В самом общем виде фактуалистские трактовки представлены общим суждением «*объективные факты – это точное изложение реального положения дел*», а теоретистские трактовки выражены в представлении об *объективности как отражении всего многообразия точек зрения* (объективность как совокупность разных субъективных точек зрения).

Традиционно категория объективности связывалась в журналистике примерно с теми же критериями знания, что и в научном или юридическом дискурсе: объективное знание, это то, которое верифицируемо, проверенно, выявлено с помощью регламентированных процедур, отражает общее, разделяемое участниками коммуникации представление об объекте. Сегодня под объективностью в журналистике все чаще по-

нимают представленность различных точек зрения. Достаточно привести несколько различных мнений или взглядов на предмет, для того чтобы знание о нем было расценено как объективное. Это напоминает уже не научный или юридический, а *дискурс экономики*, для которого, например, признаком объективности сделки является наличие большого количества участников рыночных отношений с различными интересами, возможностями и предложениями.

Приведем в качестве иллюстрации некоторые описания этого принципа в этических кодексах, словарях, учебниках по журналистике и работах по теории журналистики. При выборе примеров мы учитывали их типичный характер.

Фактуалистское понимание объективности. Трактовка объективности, основанная на здравом смысле и связывающая эту категорию с адекватным представлением действительности, представлена, например, во втором положении Международных принципов профессиональной этики журналиста: *«Верность журналиста объективной реальности. Первейшая задача журналиста – гарантировать людям получение правдивой и достоверной информации посредством честного отражения объективной реальности. Журналист излагает факты добросовестно, сохраняя их подлинный смысл и не допуская искажений. Он максимально использует свои творческие способности для того, чтобы общественность получила достаточно материала, позволяющего ей сформировать точное и связанное представление о мире. Так, чтобы происхождение, природа и сущность событий, течение и положение дел были поняты как можно более объективно»* [7]. Очевидно, что такие критерии объективности, как «честное отражение реальности», «добросовестность», «недопущение искажений», «точное представление о мире» основаны на таком представлении о действительности, при котором она кажется самоочевидной, а задачей познающего является лишь непредубежденно и без корыстного умысла описать её. Иными словами, объективным будет любой «рассказ» о действительности, если «рассказчик» будет непредвзят. В основе такой позиции лежит допущение, что действительность такова, каковой она нам кажется, и отсутствие предубеждений у журналиста является залогом объективного знания о ней.

В рамках того же фактуалистского понимания объективности достаточно часто встречается её негативное (посредством отрицания) описание, как это иллюстрирует следующая достаточно типичная цитата из работы М. Н. Кима: *«Стремясь к объективному освещению событий, журналисту нужно помнить, что нельзя подменять факт собственным мнением, оценкой, трактовкой, интерпретацией»* [4, с. 90]. Описательное определение объективности в данном случае выводится через отрицание противоположного качества – субъективности. Иными словами, в таком контексте объективность в деятельности журналиста – это отсутствие субъективности.

Фактуалистская интерпретация объективности усиливается современными тенденциями визуализации масс-медийных сообщений. Стремление аудитории увидеть, а журналистов – показать событие, с одной стороны, объясняется общими требованиями визуального типа культуры, доминирующей сегодня; но с другой стороны, всецело подчиняется фактуалистскому императиву: «наблюдаемо – значит, реально существует». К сожалению, эта особенность восприятия аудитории часто используется в манипулятивных целях: визуальное восприятие сфабрикованного в видеоряде события часто «делает» его настолько же правдоподобным, как и визуальные образы, полученные при непосредственном восприятии.

Теоретистское понимание объективности. Такая трактовка встречается в нормообразующих журналистских текстах реже, однако представлена достаточно влиятельными авторами и источниками. В частности, Е. П. Прохоров определяет категорию объективности посредством обращения к таким свойствам журналистского текста, как аргументированность и логическая стройность: *«Принцип объективности предусматривает высокий уровень аргументированности выводов и суждений журналиста»* [2, с. 59 – 60]. Очевидно, что система аргументации может определять

ся не только универсальными логическими процедурами обоснования, но и аргументами к авторитету, вере, здравому смыслу и т.п., что соответствует теоретистскому определению объективности. Помимо этого, с этой точки зрения суждение журналиста обладает ценностью не столько в связи с его отношением к действительности, сколько в связи с грамотно выстроенной аргументацией. По сути, речь идет не столько о репрезентации объективных (в позитивистском понимании) фактов в журналистских материалах, сколько об *обоснованном мнении* журналиста как условии объективности журналистского знания. Иными словами, объективность здесь трактуется как обоснованная субъективность.

Смешанная трактовка объективности. Объективность часто понимается в журналистике как сочетание фактуальной полноты и точности, с одной стороны, и плюрализма мнений – с другой. Б. Н. Лозовский утверждает: «Объективность – один из основных принципов профессиональной деятельности работников печати, радио и телевидения, предполагающий полное, всестороннее, исчерпывающее описание события, явления с использованием необходимого и достаточного количества фактических сведений. Объективность являет собой также и способ предъявления информации, который исключает эмоции, отделяет факты от мнений, беспристрастно описывает, обеспечивает точность сведений и сбалансированность мнений, представляет конкурирующие точки зрения с тщательным использованием знаков цитирования, излагает информацию в разумной последовательности» [3, с. 68].

Итак, несмотря на кажущуюся «естественность» и «понятность» содержания категории объективности в журналистике, её трактовки существенно разнятся – от точной репрезентации действительности или её фрагмента до аргументированности суждения журналиста, от отсутствия предвзятости до использования всех значимых мнений и точек зрения.

Следствия такой полифонии трактовок объективности очевидны: это ряд методологических и даже этических проблем. Если мы принимаем фактуалистскую точку зрения, то мы должны признать, что объективность характерна только для материалов, выполненных в информационных жанрах, поскольку одним из ключевых их жанрообразующих признаков является отсутствие личного мнения журналиста, эмоциональная нейтральность и информационная точность. Аналитические и, тем более, художественно-публицистические материалы по определению (и по их жанровым признакам) не могут быть объективными. Также, если мы принимаем фактуалистскую точку зрения, то мы должны признать универсальность научных процедур оценки объективности и достоверности журналистских материалов. Но в то же время это далеко не всегда достижимо. Так, для журналистского метода вполне допустимым является обращение к приему *exemplum*, при котором общее выводится из незначительного количества ярких частных примеров. Как известно, это не вполне соотносится с научными представлениями о правилах формирования суждений об общих категориях и закономерностях. Иными словами, позитивистский подход к журналистским материалам привел бы к радикальному пересмотру базовых принципов и методов журналистской деятельности, что вряд ли можно расценивать как рациональное предприятие.

Если же мы принимаем теоретистскую точку зрения, то мы должны признать высшую степень релятивизма журналистской деятельности и «оправдать» ангажированность журналистов, что будет существенно противоречить и базовым представлениям о профессии, и общественному мнению, и действующим принципам журналистского сообщества. Помимо того, что теоретисты отвергают универсальные нормы журналистского познания, они отвергают возможность «нетеоретизированной» журналистики, свободной от идеологий, форматов и концепций. Это в свою очередь означает, что этот подход к журналистскому творчеству направлен на постоянный поиск оснований журналистского знания, «подтекстов» и «подоплек», скрытой идеологической рамки, порождающей те или иные журналистские тексты.

Существует несколько стратегий решения или избегания этих проблем.

Первый способ – отказаться от философской рефлексии над базовыми журналистскими категориями и продолжить использовать их в режиме «здравого смысла». Впрочем, такой подход позволит одной части журналистов продолжать выполнять идеологические заказы, маскируя материалы под объективно отражающие действительность, а другой – формировать слишком общие суждения на слишком частном материале.

Второй способ достаточно широко применяется в последнее время за рубежом и удачно сформулирован профессором Школы журналистики Университета Техаса Розенталем Алвесом: *«объективность - журналистская ценность прошлой эры. В цифровую эру ее место занимает прозрачность. Новостные организации должны быть прозрачными, читатели должны видеть и знать журналистов, контактировать с ними»* (цит. по: Киршин, 2011). Отказ от самой категории объективности как базового принципа и метода в пользу категории «прозрачности» фактически означает «перестать стремиться быть объективными, но оставаться честными и открытыми». В эпоху информационного общества любой представитель аудитории может быть более осведомлен и компетентен, чем журналист, а значит главная задача журналистики – не столько информировать об объективных фактах, сколько помогать аудитории ориентироваться в сложной действительности. По всей видимости, этот подход предполагает существенное переосмысление сущности журналистики как социального института.

Третий способ - признать объективность категорией не столько журналистской деятельности, сколько сознания аудитории СМИ. Объективность в таком понимании – это не свойство журналистского текста или знания, а их эффект, возникающий в сознании аудитории. Эта позиция выражена в словах известного журналиста Андрея Архангельского (редактора отдела культуры журнала «Огонек»): *«из совокупности разных точек зрения и получается возделанная объективность. Она, объективность, однако рождается именно в твоей голове – никто не может тебе принести ее на блюдечке»* [5].

И, наконец, четвертый способ – рассматривать объективность не как теоретический принцип или метод, а как аксиологическую категорию. Признание объективности не обязательным требованием или методом, а идеальной целью, высшей ценностью журналистики, практически не достижимой в реальных условиях, могло бы помочь сохранить основания журналистики как института и творчества и в то же время «освободить» журналистов от невыполнимого обязательства *быть объективными* в каждом конкретном акте познания.

Список литературы

1. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991.
2. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. – М., 2007.
3. Лозовский Б. Н. Журналистика: краткий словарь / Б. Н. Лозовский. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
4. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. - СПб.: Изд-во Михайлова, 2002.
5. Архангельский А. Два мифа о журналистике [Электронный ресурс] / А. Архангельский. – Режим доступа: <http://vz.ru/columns/2008/4/7/157655.html> (07.04.2008).
6. Киршин Б. Прозрачность вместо объективности? [Электронный ресурс] / Б. Киршин. – Режим доступа: <http://www.ruj.ru/2011/110805-1.htm> (05.08.2011).
7. Международные принципы профессиональной этики журналиста. Приняты на IV Консультативной встрече международных и региональных профессиональных журналистских организаций в 1983 г. в Праге. – Режим доступа: <http://www.medialaw.ru/selfreg/13/texts/112.htm>
8. Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983.
9. Порус В. Н. Постпозитивизм / В. Н. Порус // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000.

OBJECTIVITY: A PHILOSOPHICAL CATEGORY IN JOURNALISTIC DISCOURSE

E. A. Kozhemyakin

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
kozhemyakin@bsu.edu.ru*

The paper discusses the specific ways of application of the philosophical category “objectivity” in the journalistic theory and practice. Philosophical traditions of interpretation of the category (factualism and theoretism) are inherited by the journalistic discourse and bring to life the notional polyphony in journalism. It results in a range of methodological and ethical problems faced in journalism, and also in lack of shared standards of journalistic text evaluation. The author points out several ways to solve these problems.

Key words: objectivity, philosophical groundings for journalism, journalistic knowledge, journalistic discourse.